

Вернувшись в зал, Цзя Чжу с облегчением обнаружил, что Сююй уже на месте. Тревога отступила. Заметив возвращение Чжу, принц Шуй Жун распорядился спешно подготовить театральные подмостки во дворе и подать знак труппе начинать представление.

Цзя Чжу вполборота склонился к Сююй, тихо поинтересовавшись, как тот отыскал дорогу назад. Сююй шепнул в ответ, что его встретил один из расторопных слуг усадьбы и проводил до гостиной. Больше они не шептались, обратив взоры к сцене.

Сначала на подмостки поднялся молодой актер, исполнивший арию «Сон об Инъин у Соломенного моста» из знаменитого «Западного флигеля». Едва затихли его последние ноты, как под звуки флейт появилась хрупкая фигура в роли девы — давали «Прерванный сон» из «Пионовой беседки». Актер, облаченный в расшитые золотом парчовые одежды с летящими, подобно облакам, рукавами, выплыл из-за кулис с изящной легкостью. Цзя Чжу вгляделся в его лицо, но это был не Янь Мумэй, встреченный им в саду. «Значит, Мэйгуань сегодня действительно не поет», — мысленно отметил он.

— Исполнитель роли девы — главная жемчужина труппы «Шилинь», — негромко пояснил сидевший рядом Шуй Жун. — Ныне он поет лишь в моих покоях. Зовут его Юань Юйжун, в народе же кличут Жунгуанем. По мастерству он ничуть не уступает Янь Мумэю из «Ляньцзинь».

Цзя Чжу сдержанно улыбнулся. Подтекст этих слов показался ему куда занимательнее самого представления. Теперь становилось ясно, отчего наставник Янь Мумэя так настойчиво предостерегал своего ученика от глупого упрямства, боясь, что тот лишится милости хозяина дома и уступит первенство Жунгуаню. За соперничеством двух юных дарований скрывалась непримиримая вражда двух театральных школ — «Ляньцзинь» и «Шилинь», бьющихся за безраздельное внимание и щедрость молодого принца.

Размышляя об этом, Чжу окинул взглядом сидевших за столами гостей. Сююй, затаив дыхание, покачивал головой в такт музыке. С малых лет зачитываясь «Пионовой беседкой» и зная наизусть каждую строчку, он ловил каждое слово исполнителя с неподдельным восторгом. Принц Шуй Жун так и лучился самодовольством — еще бы, ведь на сцене блистала звезда его собственного домашнего театра. Да и прочие гости внимали пению с неослабевающим упоением. Чжу мысленно усмехнулся: похоже, во всем зале лишь он один оставался совершенно равнодушен к театральным страстям.

Однако стоило ему прийти к этой мысли, как его внимание привлек Хоу Сяохуа, сидевший напротив. Молодой человек с озабоченным видом шарил по широким рукавам и складкам своего парадного халата. Поискав так какое-то время и ничего не найдя, он поспешно поднялся и выбежал вон, даже не дождавшись окончания арии.

Шуй Жун нахмурился и велел одному из слуг разузнать, что стряслось с Цзыцином. Тот вернулся довольно быстро и склонился к самому уху хозяина. Сквозь звон тарелок и певучие вздохи флейт до ушей Цзя Чжу долетело лишь одно короткое слово: «веер». Сердце его дрогнуло. «Неужто Хоу Сяохуа обронил ту самую драгоценность из белого нефрита, что я подобрал на дорожке?»

Тем временем принц отправил еще нескольких слуг прочесать дорожки сада. Заметив проходившего мимо юношу-слугу, Чжу жестом подозвал его к себе и, незаметно достав из широкого рукава веер, негромко произнес:

— Передай это господину Хоу. Спроси, не эту ли вещь он ищет.

Слуга почтительно принял находку и поспешил к выходу. За всей этой сценой в полумраке зала наблюдал лишь сам Шуй Жун — для остальных гостей происходящее осталось тайной.

Минуло совсем немного времени, прежде чем Хоу Сяохуа стремительно ворвался обратно в зал. Держа в зажатом кулаке обретенную драгоценность, он направился напрямик к столику Цзя Чжу. Как раз в это мгновение на сцене отзвучали последние аккорды «Прерванного сна», и внимание гостей невольно переключилось на них.

Цзя Чжу поднялся навстречу гостю и приветливо улыбнулся:

— Слышал я, брат Хоу, вы лишились любимого веера. Мне посчастливилось наткнуться на один в саду, вот я и попросил здешнего слугу передать его вам. Надеюсь, это именно ваша вещь?

Обычно надменный и холодный, Хоу Сяохуа сейчас смотрел на Чжу с неподдельной признательностью. Он низко поклонился, соединив перед грудью ладони:

— Так это вы спасли меня, брат Цзя! Век не забуду вашей доброты, слов не хватит, чтобы выразить мою благодарность. Эта вещь для меня бесценна, и если бы она сгинула без следа...

В Цзя Чжу внезапно проснулось лукавство, и он, шутливо прервав излияния гостя, покачал головой:

— Полно вам, брат Хоу, к чему такие пышные речи! Обычная случайность, сущий пустяк. Рад, что сумел избавить вас от тревог. Однако признаюсь: одна загадка не дает мне покоя, и только вы можете ее разрешить. — Чжу выдержал короткую паузу и заговорщически понизил голос: — Поднимая веер, я не удержался и развернул его. На шелке начертаны прекрасные стихи. Неужто они вышли из-под вашей кисти? Поистине, редчайший образец любовной тоски! Читая эти строки, я был очарован. Позвольте спросить: какая же прекрасная дева заставила грозного Цзыцина изливать душу в столь нежных девичьих жалобах?

Гости, затаив дыхание ловившие каждое слово, так и покатались со смеху, не дав Хоу Сяохуа и рта раскрыть.

— Девичья тоска? — покатываясь, воскликнул один из них. — Наш Цзыцин томится от любовной кручины? Уж не ослышался ли я!

— Да все в столице знают, что он вхож к первой красавице города! — подхватил другой под

общий хохот. — Почитай, через день ночует в усадьбе Лю! Живет барином: девы в нарядных платьях тушь ему растирают да благовония возжигают. Всем бы так тосковать, на зависть честному люду!

— То-то и оно! Коли он так дрожит над веером, не иначе как сама прелестная Янь-эр начертала эти строки для своего милого!

Сююй, разжигаемый любопытством, нетерпеливо потянул друга за рукав, выпрашивая, что же это за стихи такие.

— погоди, брат Юй, не мешай, — вполголоса отмахнулся от него Чжу. — Я слово в слово запомнил. Вечером запишу и все тебе покажу.

Выслушивая эти подначки, Хоу Сяохуа помрачнел.

— Замолчите, пустомели! Языки бы вам всем повырывать за такие речи! Как смеее вы трепать честное имя девицы Лю своими грязными языками? И стихи эти — не мои, и Янь-эр к ним непричастна. Веер принадлежит совсем другому человеку, и случись мне его потерять, я вовек бы не расплатился за такую небрежность. А вы тут развели досужие бредни!

Разумеется, его тут же принялись расспрашивать, чьей же руки этот шедевр, но Цзыцин упрямо хранил молчание. Не добившись от него признания, гости заскучали и вскоре переменили тему разговора.

Тем временем на подмостках началась новая пьеса. Все вернулись за столы, угощаясь заморскими фруктами и ведя неспешные беседы под чарующие звуки музыки. Лишь когда ночная стража пробила дважды, общество стало разъезжаться. Попрощавшись с радушным хозяином, Цзя Чжу и Сююй кликнули Чжэн Вэня, велел подавать экипаж, и отбыли восвояси.

Полночь давно миновала, поэтому Сююй решил заночевать в Жунфу, отложив возвращение в родную усадьбу Линь до утра.

Пока колеса кареты мерно постукивали по ночной мостовой, любопытный Сююй то и дело теребил друга, требуя немедля продекламировать заветные строчки. Чжу уступил. Пока он неторопливо напевал заученные слова, Сююй быстро записывал их на случайном клочке бумаги. Перечитав стихи несколько раз, юноша загорелся поэтическим азартом — в нем проснулось непреодолимое желание сотворить ответную песнь на тот же лад.

Цзя Чжу с улыбкой наблюдал за его терзаниями. Заметив, как Сююй один за другим перечеркивает наброски в явном недовольстве собой, он мягко проговорил:

— Кто бы ни сочинил эти строки, он явно владел кистью виртуозно. Стал бы Хоу Сяохуа, признанный знаток изящной словесности, беречь у себя посредственную безделицу? В этих

стихах чувствуется живая рана, настоящая боль. Не пройдя через такое самому, ни за что не сложишь столь пронзительную песнь. Твой талант, брат Юй, ничуть не уступает его дару, но откуда тебе знать муки покинутой девы? Полно терзать себя, оставь эти пустые вирши.

Сююй недовольно надул губы, признавая, впрочем, правоту друга. Положив кисть, он со вздохом отложил бумагу в сторону и затих.

<http://bllate.org/book/18221/1759683>